
В. А. КОВПИК

*ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ
НА XIV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ*

10—16 сентября 2008 г. в Охриде (Македония) проходил XIV Международный съезд славистов. Власти Республики Македония подошли к организации этого научного мероприятия на территории своей страны как к делу, имеющему первостепенное значение для престижа молодого южнославянского государства с древней историей. На торжественном открытии съезда собравшихся гостей приветствовал президент республики Бранко Црвенковский, председатель Македонской академии наук и искусств Георгий Старделов, ректор университета «Свв. Кирилл и Мефодий» в Скопье Георгий Мартиновский и мэр Охрида Александр Петреский.

730 участников, выступавших с докладами на секционных заседаниях, тематических блоках и круглых столах, представляли как все славянские страны, так и славистическую науку 24 стран неславянских: Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Израиля, Испании, Италии, Казахстана, Канады, Литвы, Нидерландов, Норвегии, Румынии, США, Турции, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Японии.

На заседаниях секции «Славянский фольклор: Проблемы изучения фольклора и традиционной духовной культуры. Славянско-неславянские связи. Текстология фольклора. Взаимодействие фольклора и художественной литературы. Городской фольклор» было сделано 30 докладов (из 37 заявленных в программе), представлявших ученых 8 славянских (Белоруссия — 4 доклада, Польша — 3, Россия — 6, Сербия и Черногория — 3, Словакия — 1, Украина — 3, Хорватия — 2) и 8 неславянских (Бельгия, Венгрия, Канада, Румыния, США, Франция, Швеция, Япония — от каждой страны по докладу) стран.

Мифологические представления славянских народов рассматривались в нескольких докладах участников секции.

Любинко Раденкович (Сербия) в докладе «Славянские мифологические существа — представление и происхождение» констатировал необходимость более широкой и верной реконструкции общеславянской мифологической системы с учетом новейших данных полевых исследований (чему отчасти препятствует разрозненность исследователей и отсутствие единой системы в описании народной демонологии). Говорил сербский ученый и о важности разграничения синхронического и диахронического планов при интерпретации данных как письменных памятников, так и экспедиций. Можно сказать, что доклад его отчасти являлся репликой в споре с отсутствовавшей в Охриде Л. Н. Виноградовой (Россия), которая на прошлом съезде славистов в Любляне говорила о первостепенной важности учета демонологических мотивов и сюжетов при изучении «низшей» мифологии славян. Л. Раденкович предпочитает «словарный» подход, в основе которого лежит каталогизация системы мифологических персонажей.

Сообщение **Ичиро Ито** (Япония) «Пол солнца и луны в славянском фольклоре» было посвящено особенностям мифопоэтической семантики образов персонафицированных небесных светил у славян. Японский ученый различает случаи, когда в тексте встречается образ лишь одного светила (обычно это солнце,

и оно персонифицировано в мужчину) и когда присутствуют образы обоих светил, образуя несколько устойчивых типов системных оппозиций соотношения по полу.

Зоя Каранович (Сербия) в докладе «„Песня об овчаре, у которого ведьмы съели сердце“: текст и обрядово-мифологический контекст песни» обратилась к исследованию одного песенного сюжета, достаточно широко распространенного на славянском юге, и показала его связи как с мифологическими представлениями о смене фаз луны, так и с семантикой обрядов: семейных (родильно-крестинных, а также обрядов взросления / возмужания) и календарных (а именно купальских, в которых значительное место занимало изобличение ведьмы). В последующем обсуждении Л. Раденкович сообщил, что сюжет «Ведьма ночью выедает у спящего человека сердце / утробу» очень распространен также и в несказочной прозе и поверьях южных славян, где служит объяснением загадочных тяжелых болезней и состояний человека.

Среди фольклорных жанров, судя по количеству докладов, наибольшее внимание ученых в настоящее время уделяется заговорам.

Мария Вячеславовна Завьялова (Россия) в своем выступлении «„Блуждающие формулы“ в западнославянских, восточнославянских и балтийских заговорах как маркеры традиции» вела речь о проблемах ареальных исследований в фольклористике. С помощью анализа распространения и изменений заговорных формул-клише автор прослеживает пути миграции отдельных заговорных сюжетов и мотивов. Выявляются формулы как специфичные для славянской и балтийской традиций, так и общие для них.

Татьяна Алексеевна Агапкина (Россия) в докладе «Пути формирования восточнославянского заговорного репертуара» отделила заговоры восточных славян от остальной славянской устной заговорной традиции. По мнению исследовательницы, восточнославянские заговоры тесно связаны с фольклорными традициями соседних неславянских народов, а также с письменными по происхождению источниками; значительна в них и доля сравнительно поздних новаций, неизвестных западным и южным славянам.

В докладе **Андрея Львовича Топоркова** (Россия) «Любовные заговоры славянских народов в компаративном отношении» речь шла об истории текстов с заклинательной «формулой плавящегося воска» («как тает воск от огня, так пусть будет с адресатом заговора») от глубокой древности (начиная с хеттских клинописных табличек, египетских папирусов) через библейский канон (Псалтырь) и богослужебные тексты до рукописных русских заговоров XVII—XIX вв. и современных фольклорных записей. Общими для античных и русских заговоров являются представления об огненной природе любовного чувства, о любви как мучительной болезни; насыление любви понимается как порча, ее жертва не может пить, есть, спать, тает, как восковая свеча, забывает родителей, теряет рассудок и пр.

Доклад **Татьяны Васильевны Володиной** (Белоруссия) «Семиотика детства: детские болезни и этапы социализации дитяти в славянском фольклоре» был сделан в основном на материале белорусских лечебных заговоров и оберегов. Детские болезни, по мнению исследовательницы, осмысляются в народной культуре как отклонения на пути становления ребенка как человека, при которых дитя приобретает не людские, а звериные или демонические черты (крик, волосатость, бородавки, отсутствие сна ночью и пр.). Заговоры и лечебная магия трактуются как борьба с нечеловеческим в организме ребенка и средства ритуального сотворения человека.

Семейные обряды и обрядовый фольклор по-прежнему пользуются вниманием исследователей.

Доклад **Оксаны И. Микитенко** (Украина) «Этнопоэтика обрядового текста как фактор энтитета фольклорной традиции (на материале украинских и балканославянских похоронных причитаний)» в отсутствие автора был зачитан Л. Г. Мушкетик. Украинская традиция, по мнению О. И. Микитенко, близка южнославянской, а символика образов причитаний связана с тематическими константами

погребального обряда, наиболее значимыми для народного сознания («дорога», «доля / судьба», «вечный / новый дом» и т. д.), и образует основу поэтики жанра.

Ольга Николаевна Шарая (Белоруссия) в докладе «Родовое сознание в традиционной духовной культуре народов Восточной и Юго-Восточной Европы» проследила связь в изменении структуры славянской семьи (от большой патриархальной к нуклеарной) с переменами в составе фольклорного репертуара и сюжетов (прежде всего обрядовой и необрядовой лирики, а также баллад), выявила общеславянские тенденции в этих процессах и особенности традиции отдельных народов (в первую очередь белорусов).

Джинмари Руей-Уиллоби (США) в сообщении «Народная характеристика современных русских жизненных обрядов» познакомила слушателей с итогами опросов около 100 информантов из городов Европейской России и Сибири, выделив как сохраняющиеся до сих пор остатки традиционных семейных обрядов, так и возникшие в XX в. в городской среде инновации. По мнению докладчицы, сохранение и развитие семейных обрядов во времена СССР обуславливалось потребностью людей в противопоставлении своей частной, семейной жизни общественному советскому быту.

В нескольких выступлениях речь шла об изучении эпоса, песенного и прозаического, как в историческом, так и в компаративном аспекте.

Выступление **Сергея Николаевича Азбелева** (Россия) «К сравнительному изучению древнерусского и древнегерманского эпоса» было посвящено соотнесению данных Новгородской Иоакимовской летописи (подлинность которой вызывала и вызывает до сих пор споры) со свидетельствами основанной на устном эпосе древнегерманской саги о Тидреке Бернском. С. Н. Азбелев полагает, что данные как летописи, так и саги позволяют предположить, что в основе образа былинного князя Владимира лежит князь Владимир Всеславич (V в. н. э.), при котором Русь подвергалась нашествиям гуннов, а в основе образа былинного Ильи Муромца — русский воевода той же поры Илья, герой сражений с гуннами.

Василий Александрович Ковпик (Россия) в докладе «Жанровые и эволюционные формы и воплощения сюжета „Грешник на море“ в славянском и западноевропейском эпосе» очертил круг песенно-эпических сюжетов с этим основным мотивом, разделил их на две основные группы (балладную и сказочную), проследил эволюцию трактовки злодеяния героя от архаической, связанной с родовой моралью и мифологическими представлениями, до новой, находящейся в лоне христианской нравственности, коснулся региональных различий в распространении этих сюжетов на территории Европы.

В докладе **Варвары Евгеньевны Добровольской** (Россия) «Мотив „сокрытие девушки своего пола“ в славянском фольклоре» исследуются как обрядовые корни этого мотива у славян (травестия в календарных и хозяйственных обрядах, ритуальное безбрачие старшей дочери в семьях, где не было сыновей), так и многообразие его воплощений в славянских сказках и ранней литературе. Проводится грань между утаиванием пола героини и магическим превращением девушки в юношу (отмечено в фольклоре западных и южных славян).

Шла речь и об общетеоретических проблемах фольклористики, об истории и методологии науки.

Доклад **Александра Владимировича Морозова** (Белоруссия) «Фольклорное творчество и современные культурные процессы в славянских странах» затронул важнейшие для фольклористики проблемы, возникающие в условиях глобализации и модернизации социальной жизни человечества, ставящих под сомнение ценность традиционного фольклора как наследия уходящих в прошлое архаических культур, равно как и актуальность фольклористики как науки о нем. Докладчик констатировал кризис славянского самосознания в культуре современных славянских стран; на долю фольклора остается лишь функция субкультурной детерминации. Однако не менее важны в нынешнем меняющемся мире и поиски национально-культурной идентичности, позволяющей противостоять обезличиванию наций в ходе планетарной унификации, — и здесь традиционный фольклор обретает важ-

нейшее значение, выступая основой духовной культуры славянских народов и залогом самого их выживания.

Лиляна Маркс (Хорватия) свой доклад «Уровни интерпретации записей устной прозы» посвятила проблеме аутентичности полевых записей, не только неизбежно отражающих особенности собирательских установок и предпочтений фольклориста, но и являющихся результатом осознанного отбора материала современным исполнителем, имеющим в своем распоряжении множество источников информации помимо устной традиции. Ретрадиционализация печатных изданий (разного качества, происхождения, достоверности) привела, по мнению исследовательницы, к своеобразному постмодернизму в самой устной традиции, лишая фольклористов надежности полевых данных.

Питер Плас (Бельгия) в докладе «Фольклорный дискурс, пространственно-временная закреплённость местной идентичности и институализация фольклора: текстуально-культурный процесс в ранней южнославянской этнографии» сосредоточил внимание на том, как молодая этнонаука южных славян в XIX в. служила одним из средств нахождения и закрепления национальной идентичности (как считает докладчик, это особенно верно для «автохтонной» полупрофессиональной этнографии — деятельности местных краеведов, инспирированной, однако, работами и идеями представителей академической науки того времени).

Некоторые доклады были посвящены проблемам фольклоризма и непростой судьбе народного искусства в современном мире.

Кшиштоф Вроцлавский (Польша) в докладе «Наследование и высыхание источников устных рассказов (на примере македонских династий рассказчиков)» поделился наблюдениями, сделанными за десятилетия его собирательской работы в селах Македонии, где сказительство передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну у пастушьего костра, за плетением сетей, другими промыслами; репертуар рассказчиков в основном формировался в кругу семьи, прочие источники носили вспомогательный характер. В новое время опустение деревень, исчезновение традиционных занятий, уменьшение числа детей в семье, а главное — распространение телевидения («смертельного врага сказительства») привело к исчезновению традиции устных рассказов.

Анна Бжозовска-Крайка (Польша) в докладе «Польский фольклор на американской сцене: имитация или стиль?» сообщила, что в среде польской диаспоры США очень популярны постановки народной драмы («яселки», то есть вертепного действия) и инсценировки свадебного обряда, осуществляемые на сценах польских культурных центров. В этих постановках преобладает имитация фольклорной традиции, а не ее творческая переработка современными режиссерами, что докладчица объясняет сильным сопротивлением американских поляков культурной ассимиляции в «плавильном котле народов» США и стремлением как можно полнее сохранить этническую идентичность.

Светлана П. Кухаренко (Канада) в докладе «Магия общения: украинская традиционная свадьба и ее сохранность в Канаде» рассказала о том, что канадские украинцы, сохраняя внешнюю последовательность и атрибутику обрядового действия (коровай, рушники и т. д.), утратили лежащие в основе обряда традиционное мировоззрение, верования, приметы и пр.; более того, они, сознавая себя культурными и образованными людьми, резко отрицательно относятся к ним как к суевериям, «забобонам» невежественного прошлого. Таким образом, свадебный обряд перестал у них быть магическим действием (то есть собственно обрядом), а остался средством социализации индивида и сохранения этнической идентичности.

Гана Глошкова (Словакия) в мультимедийном докладе «Фольклорный фестиваль — одна из форм современного фольклоризма» показала, как традиционный фольклор может функционировать в культуре современного общества, лишившись этнографической основы и уйдя из живого бытования. Фольклоризм — воспроизведение традиционного фольклора непрофессиональными и неаутентичными исполнителями — предстал в докладе словацкой исследовательницы второй жизнью

фольклорной традиции, одной из основных форм которой в Словакии являются регулярные и многочисленные фольклорные фестивали.

Два доклада касались изучения фольклорного пограничья и межэтнических взаимодействий в фольклоре.

Лариса Константиновна Вахнина и **Леся Георгиевна Мушкетик** (Украина) выступили с докладом «Категория фольклорного пограничья в славянских контекстах», в котором познакомили слушателей с состоянием исследований процессов межэтнических взаимодействий в фольклоре на Украине, а также в других странах (Польша, Словакия, Венгрия). Доклад содержал и наблюдения над взаимовлияниями фольклорных традиций разных народов пограничья в репертуаре лирических песен и баллад (Л. К. Вахнина) и устной прозы (Л. Г. Мушкетик). После доклада возникла оживленная дискуссия по поводу того, как трактовать пограничье — как зону смешения «чистых» традиций отдельных народов (как предлагали украинские докладчицы) или как зону промежуточную, с плавным переходом от одной традиции к другой, когда четкую грань между ними провести невозможно (об этом говорили В. Е. Добровольская и В. А. Ковпик, их поддержал Л. Раденкович). В итоге стороны сошлись на том, что есть разные типы пограничных зон, сложившиеся в ходе различных исторических процессов.

Сообщение **Антоанеты Олтяну** (Румыния) «Образ другого в балканском фольклоре» сделано в первую очередь на румынском материале, а также соседних с румынами балканских народов. Как оказалось, записи изобилуют красочными примерами образов иноплеменников, отражающих почти всегда враждебное или насмешливое отношение к чужаку. Этнические стереотипы весьма устойчивы в межнациональных отношениях, и влияние этих «ценных непроверенных данных» о соседях зачастую перевешивает непредвзятый собственный опыт.

Проблематика фольклорно-литературных связей также нашла отражение в выступлениях (на секцию попало и несколько докладов литературоведов-«древников», не связанных с фольклорной тематикой).

Сообщение **Лиляны Баич** (Сербия) «Фольклорные мотивы в сборнике „Божьи люди“ Борисава Станковича» касалось не только характера претворения фольклора и старинного быта сербского города Вране в художественном мире этого произведения, но и вообще феномена юродства в южнославянской традиционной культуре, его связей с обрядами, мифологическими представлениями о мире мертвых и с культом предков.

Марта Фонт (Венгрия) в докладе «Языческое прошлое глазами христианских хронистов: начальный этап средневропейской историографии» обозначила общие особенности использования устных преданий составителями первых славянских хроник и летописей (отражение в них интересов правивших во время хронистов династий, нахождение места своего народа среди других племен и др.), сопоставила древние славянские хроники с венгерскими.

Доклад **Георгия Минчева** и **Малгожаты Сковронек** (Польша) «Славянские ветхозаветные псевдоканонические произведения: между официальной литературой и народной культурой» освещает связи и взаимовлияния нескольких культурных «сфер» Slavia Orthodoxa: канонических текстов, апокрифов, фольклорных нарративов и иконографии. Избрав для подробного рассмотрения сюжеты о сотворении и восстании ангелов, Авраамовой жертве, покаянии Лота, авторы заключают, что в большинстве случаев апокриф опирается на библейский текст (обычно в опосредовании «Толковой Палеи»), дополняя его как древними мифологическими мотивами, так и новыми заимствованиями, взятыми из литургических текстов.

Моника Сиама (Франция) сделала сообщение «Дар времени, или Житийный палимпсест у западных славян в раннем Средневековье», выполненное в основном на польском материале. Применяя к анализу письменных свидетельств методику, обычную скорее при полевом исследовании «народного христианства», и восполняя нехватку средневековых источников аналогиями из современных фольклорных записей, автор видит в житиях святых — покровителей Польши своего рода

«палимпсест», в котором языческие мифологические сюжеты лишь «покрыты патиной христианства».

Антония Зарадия Киш (Хорватия) прочла доклад «Exempla как средневековые бестиарии», посвященный одному из жанров средневековой литературы («exemplum» — пример, рассказ, одновременно и занимательный, и поучительный, которым автор и разнообразит, и подкрепляет свои умозаключения, — обычен для проповедей и другой назидательной литературы; в православной традиции этому жанру ближе всего соответствует притча). Докладчица остановилась лишь на тех «exempla», в которых появляются образы животных, и показала их связи со средневековыми бестиариями (латинский преемник греческого и православного «Физиолога») — книгами, уступавшими в популярности лишь самой Библии.

Доклад **Лидии Филипповны Корний** (Украина) «Болгарско-украинские музыкальные связи XVI—XVII вв. (болгарский распев в украинских нотопевиных ирмолках)» был посвящен не фольклору, а истории церковной музыки. Распевы, возникшие в Болгарии в XIV в., не сохранились на родине, но беженцы от османского гнета, а также богомольцы, ходившие на Афон, занесли их на Украину, где сохранились их многочисленные записи (более 300 образцов, помеченных «болгарский распев») в рукописных ирмолках. Болгарский монодийный распев оказывал влияние и на украинскую духовную монодию.

В выступлении **Ивана Федоровича Штейнера** (Белоруссия) «Эманация плача-треноса в славянской художественной традиции» славянская литература предстала рыдающей матерью на сыновней могиле и разоренном пепелище. Тяжелая историческая судьба славянских народов привела к тому, что темы трагической потери, тяготеющего над родным краем проклятия, неизбежности кровавых битв и вымирания стали в XIX—XX вв. доминантой в творчестве поэтов почти всех славянских народов (кроме русских, по мнению докладчика). Рыдают и причитают Адам Мицкевич, Ян Коллар, Карел Маха, Йосеф Тыл, Людовит Штур, Петр Негош, Франциск Богушевич, Тарас Шевченко, Янка Купала, Якуб Колас, Павло Тычина, Володимир Сосюра, Теодор Троянов, Мирослав Крлежа, Станислав Пшибышевский и др. «Эманация плача», как назвал докладчик усиление трагико-элегического пафоса в произведении, проникает во все поэтические структуры славянских литератур.

Соня Миладинович (Швеция) выступила с сообщением «Три шведских перевода „Хасанагиницы“», освещающим историю переводов знаменитой боснийской баллады на шведский язык, которые были сделаны в 1792, 1832 и 2006 гг. Каждый перевод отражает тенденции литературного процесса своей поры (классицизма, перехода от романтизма к реализму, модернизму).

Также в Охриде состоялось заседание Фольклорной комиссии при Международном комитете славистов. Ее председателем на очередной срок был переизбран Любинко Раденкович (Сербия), заместителями избраны Кшиштоф Вроцлавский (Польша) и Александр Владимирович Морозов (Белоруссия) — представитель страны, на территории которой намечено провести следующий съезд славистов.